

ДЯДЯ ГРИША

Кто такой гардеробщик в раздевалке Театрального училища и его значение в жизни студентов знает далеко не каждый. Вместе с тем это сакральная, знаковая фигура учебного заведения, выпускающего как властителей сердец зрителей, так и безнадежно отчаявшихся серостей и бездарностей... Начнем с того, что гардероб в Горьковском театральном училище расположен в полуподвальном помещении и в него спускаешься, словно Орфей в ад. Там-то и сидит страж верхней одежды студентов, гардеробщик – человек, знающий абсолютно все тайны молодых поклонников Мельпомены... И совсем не случайно во всех студенческих капутниках вахтер играет значительную роль. Имя вахтера становится нарицательным и вызывает добрую улыбку у каждого выпускника нашего ГТУ. Пардон, теперь уже НТУ...

В мою бытность это был дядя Гриша. Сухонький старикан в чёрном сатиновом халате и неизменной серой кепочке. Хотя какой он был старикан? Чуть-чуть за шестьдесят... Теперь это ещё время второй молодости. Но тогда нам, студентам училища, половина которых пришла на учебу после восьмого класса, он казался старцем. Казалось бы, какое значение имеет эта малозаметная фигура? Но дядя Гриша был для нас отцом родным, утешающим потерпевших фиаско на очередном просмотре творческих работ, успокаивающим отвергнутых влюблённых, опохмеляющим старшекурсников, перебравшим накануне, и дающий взаимы без ростовщических процентов.

Я давно заметил, что человек раскрывается, практически исповедуется, как перед священником в церкви, перед таксистами, с которыми вряд ли встретишься потом, перед случайными пассажирами, с которыми едешь в одном купе и... перед человеком, казалось бы, незначительной профессии, от которого ничего не зависит, – гардеробщиком, в данном случае перед дядей Гришей. Кем он был до работы в гардеробе, неизвестно, но он обладал удивительным даром участливо выслушивать собеседника и давать часто очень правильные советы. От него всегда пахло табаком, тройным одеколоном, а бывало и портвейном. Дирекция, конечно, знала о его слабостях, но закрывала на них глаза из-за абсолютной честности и какой-то внутренней доброты, излучающейся из этого улыбчивого человека. Частенько потом уже после окончания училища нам не хватало этой заботы и участия без всякой корысти и своей выгоды. Вот таким был дядя Гриша. И, как сказал К. С. Станиславский: «Театр начинается с вешалки», а наше училище начиналось с дяди Гриши...

24 сентября 2017

БУЛЮБАШ – ВТОРАЯ МАМА

Вступительные экзамены... Первый тур... Читаем по очереди басню, стихотворение и отрывок прозы... Знаем, что предпочтительнее читать басню Крылова. Хотя все эти басни одинаковы, но написаны ещё хлеще Эзопа, а не Михалкова или Кривина. Кое-кто выпендривается и читает Лафонтена или даже Эзопа... А дедушка Крылов откуда сюжеты брал? Вот именно. И нечего изображать из себя суперинтеллектуалов...

Старшекурсники расказывают, что приходил один хлыбч и читал Лафонтена на чистом французском языке и даже грассировал «р». Правда, потом оказалось, что он, говоря по-русски, тоже грассирует...

Скоро моя очередь – мне эта вереница молодых людей напоминает очередь к стоматологу... Все боятся, но идти надо... Уже семь предыдущих человека прочли басню «Ворона и лисица», и вся эта великолепная семерка старательно каркала на разные голоса... В комиссии ропот: «Неужто у Крылов одна эта басня?» Нет, не одна!

У меня «Заяц на ловле». Это мне бабушка, профессиональная актриса, посоветовала... А то кто знает, может быть, и я каркал бы восьмым...

На негнущихся ногах вышагиваю на сцену, по пути замечаю, что марширую левой ногой и рукой одновременно, а потом правыми. В комиссии смешок – решили, что я специально для веселья так вышел... А мне не до веселья. Представляюсь. Объявляю басню и ищу глазами красивую брюнетку со странной фамилией Булюбаш – это мне бывалые второкурсники посоветовали: «Читай ей. Она слушает хорошо, и это очень помогает». Нахожу... и больше для меня никто не существует. И падаю в эти удивительно добрые бездонные глаза, и лечу свободно и легко. Мгновение – и басня прочитана! Потом меня что-то спрашивают, я машинально отвечаю. Потом читаю Вознесенского про разговор с вороном. И рассказ Чехова «С женой поссорился». И всё это я читаю одному человеку – Людмиле Александровне Булюбаш.

Как ни странно, я прошёл творческий конкурс, написал сочинение, и началась учеба.

Одним из моих самых любимых предметов была сценическая речь. Мне повезло – я попал к Булюбаш, которая на первом же индивидуальном занятии выяснила, что у меня природная постановка голоса, и стала заниматься со мной по особому плану. Сколь разных текстов пришлось мне выучить. Причём каждый раз я должен был выучить всё к «завтрему». Я пытался протестовать: «Людмила Александровна! У меня же есть и другие предметы, и их тоже надо учить!» Но ответ был один: «Ты должен знать всё наизусть завтра» Я злился, но завтра у меня был уже выученный текст.

Но потом, когда мне пришлось заменять в театре заболевшего актёра и выучить за одну ночь одну из

центральных ролей в «Божественной комедии» Исидора Штока – Ангела «Д», я вспомнил Булюбаш добрым словом – профессиональную память она у меня развила прекрасно.

На экзамене за первый курс она мне прислала записку: «Не волнуйся, пойдешь последним, как самый веселый».

А потом, на втором курсе на зимней сессии, пришла беда – меня отчислили с драматического отделения за «несоответствие внутренних и внешних данных». Булюбаш плакала, а я был близок к суициду... И тут Людмила Александровна буквально потащила меня к себе домой, и утешала меня, говоря, что не всё потеряно – она будет просить, чтобы меня оставили на курсе, и она воспитает из меня педагога по речи...

Она стала с тех пор моей второй мамой. С драматического курса я перешёл на кукольный. Правда, с потерей года по совету Георгия Аполлинарьевича Яворовского. Он встретил меня у входа в училище и про-

Людмила Александровна Булюбаш

возгласил: «Знаю о твоём горе. Мне сказала Булюбаш. Иди на кукольное отделение и потом будешь благодарить меня всю жизнь!»

Я так и сделал, и главное, что педагогом по речи у меня осталась моя вторая мама – Булюбаш, которую я, как и Яворовского, благодарю всю мою жизнь.

ГЕРЦОГИНЯ АЛЬБА

В неё все студенты влюблялись с первого взгляда – да кто же мог устоять, увидев совершенство формы и содержания. Она царила в педагогическом женском составе нашего родного ГТУ – величественная и вместе с тем изысканно-хрупкая... Кладезь множества знаний, но без излишней надменности. Хотя к себе она особенно близко подпускала только тех студентов, которые заинтересовали её необычным мышлением или ярким самобытным талантом. И ещё она поощряла тех, кто изо всех сил тянулся к знаниям. Остальным она благосклонно позволяла себя обожать на расстоянии.

Она вела у нас три предмета: русскую и зарубежную литературу и ИЗО – историю изобразительного искусства. Именно благодаря её трудам, почти каждый выпускник училища того времени мог без труда определять картины художников самых разных времён и направлений. Нижегородские художники её тоже знали и почитали, дав ей меж собой таинственно-величавое и вместе с тем притягательно-заманчивое имя – ГЕРЦОГИНЯ АЛЬБА.

В училище про Альбу мало кто знал, и все с благоговейным восторгом произносили – Альбина Александровна! И фамилия у неё была соответственная, ведущая, с одной стороны, к великому русскому живописцу, а с другой – к русскому летчику, выполнившему первым сложнейшую петлю, которую называли по его фамилии – НЕСТЕРОВА.

А. А. Нестерова

И Альбина Александровна Нестерова вела нас с собой в чудесную страну литературы и живописи, причём составляя программу, в корне отличающуюся от типовой бесстрашием выбора тем, писателей и художников. Именно она очаровала нас Платоновым и Фолкнером, отрыла нам Мандельштама и Бальмонта, Цветаеву и Ахматову! Да что говорить, познакомила тщательнейшим образом со всеми представителями Серебряного века русской литературы. Именно благодаря ей мы бредили картинами Ван Гога и Врубеля и многих-многих других выдающихся художников и писателей.

ОНА ВКЛЮЧАЛА ПРОЕКТОР И ПОГРУЖАЛА НАС В КОСМОС ЖИВОПИСИ... И нам казалось, что мы видим подлинники шедевров. Недостатки слайдов она восполняла своим заворачивающим комментарием. Её низкий слегка прокуренный голос действовал неотразимо. Я в то время бредил «Тремя товарищами» Ремарка, и мне казалось, что именно таким был тембр голоса у героини романа Патриции Хольман.

Давая нам огромные знания, она не была «добренькой». Требовательность её была высочайшей. Она могла и саркастически раздавить оппонента – за словом в карман не лезла, но всё (даже её сарказм), всё, что она изрекала, было элегантно и остроумно. Какое счастье, что Бог дал нам такого УЧИТЕЛЯ. Думаю, что так думаю не один я, а и многие-многие мои современники.

ХВАЛА ДИКТАТОРУ

Человек этот имеет все внешние и внутренние данные диктатора: небольшой (наполеоновский) рост, острота мысли, склонность к узурпированию подчиненных, непомерная гордыня и поразительное упрямство. Даже спорт он выбрал поистине «императорский» – это, конечно, конный спорт, и уверенно держится на своём «Буцефале» – театре кукол долгие годы.

Попробую проанализировать его принцип ведения репетиций:

При постановке очередного спектакля он, стремясь побыстрее начать «сражение», на застольный период тратит не более одного-двух дней. А вот над первой картиной работает до бесконечности, оттачивая каждый нюанс, выверяя каждый миллиметр движения кукол. Громадной полутораметровой деревянной указкой он выстраивает мизансцены, а когда что-то начинает стопориться, бьёт этой указкой по режиссёрскому столу, как дрессировщик хищников хлыстом, и частенько указки превращаются в щепки... Актёры мысленно матерятся, но подчиняются этой непреклонной воле диктатора и, к своему удивлению, всё больше и больше влюбляются в своего персонажа, который оживает настолько, что кажется, он живет своей неповторимой жизнью. Завершив первую картину, он пускает своего режиссёрского Пегаса галопом и несётся к финалу, зная, что основные принципы новой постановки уже разработаны при работе над первой картиной, и именно поэтому финал частенько проигрывает по сравнению с гениальным началом спектакля. Но нашему герою это не так важно – он одержал для себя победу, уже выстроив начало спектакля.

Таков, на мой взгляд, наш мастер курса и главный режиссёр Нижегородского академического театра кукол Народный артист России Александр Иванович Мишин.

Сколько часов мы ходили, меняя походки и держа уровень кукол практически без отдыха, так что даже во сне нам снились эти жестокая муштра и тренинг! Ну, а знаменитую нижегородскую походку куклы «плечиками» мы отработывали, обливаясь потом, а иногда и слезами (это, конечно, более относится к девочкам нашего курса). А уникальные повороты головы куклы «с подныром»! Можно до бесконечности перечислять секреты кукловодства, которые нам открыл Мастер, и не только открыл, но и буквально «вдолбил» в наше сознание! Он выработал у нас условный рефлекс: когда у нас в руках появлялась кукла, она сразу начинала жить по-настоящему, подробно, без малейшей тени приблизительной халтуры!..

Мы работали очень много, не считаясь со временем, и даже репетировали ночами. Наш «диктатор» внушал нам мысль, что мы должны быть лучшими, а иначе зачем же браться за это дело!

Сейчас я понимаю, что Нижегородский театр кукол стал академическим и вторым после театра Образцова не случайно: за высочайшее владение артистов куклой. И во многом это зависело от художественного руководителя театра, который по счастливому совпадению был и нашим руководителем курса. Он стал нашим полководцем, нашим Суворовым с его любимой присказкой: «ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ – ЛЕГКО В БОЮ!»

7.04.2018

НЕНАВИСТНЫЙ ПРЫЖОК, СПАСШИЙ МНЕ ЖИЗНЬ

У каждого студента театрального училища есть любимые и не очень любимые предметы. Есть любимые и не очень любимые педагоги. Есть любимые и не очень любимые сокурсники. Собственно, это, как и в любом, а особенно в творческом учебном заведении.

У меня любимыми были занятия по сценической речи, мастерству актёра и истории изобразительного искусства, и русская, и зарубежная литература.

Не буду перечислять и оценивать другие предметы, но особенно тяжело мне давались уроки танца и сценического движения. Причём до театрального училища спортом я занимался активно – имел спортивные разряды по лыжам, подводному плаванию и ежедневно занимался культуризмом, наращивая мышцы – бицепсы, трицепсы и т. д. Вот культуризм-то и очень мешал мне на движеньческих предметах – я был зажат и неуклюж. Хотя именно педагог по сцендвижению Ирина Алексеевна Дацук заметила меня в молодёжной студии народного театра ДК ГАЗа и посоветовала поступать в театральное училище.

Но одно дело заметить, казалось бы, способного парня, а другое дело учить его своему нелёгкому предмету.

Ирина Алексеевна была во всех своих проявлениях спортсменкой; несмотря на эффектную внешность, характер имела грубоватый и в выражениях не церемонилась. Она терпеть не могла небрежного отношения к своему предмету и не выносила трусости (особенно это касалось мужской половины курса).

Для многих из нас камнем преткновения был прыжок через большой теннисный стол. И хотя мы прыгали с подкидного мостика и приземлялись на маты, но боязнь задеть частью тела за мостик во время прыжка тормозила нас, и мы никак не могли пересилить себя и останавливались перед препятствием как вкопанные.

1972 год. Ирина Алексеевна Дацук. Фото А.Мюрисепа

Ирина Алексеевна, саркастически смеясь, цедила сквозь зубы: «Эх, вы! – заячьи души! А представьте, что вам во время спектакля или на киносъёмках придётся прыгать через окно – вы тоже откажетесь?» В ответ мы мямлили что-то о дублёрах-каскадёрах и молили прочую ерунду... «Я не заставляю вас прыгать с третьего этажа горящего дома. А прыжок через теннисный стол – это просто «семечки». Чего вы боитесь?»

«Боимся задеть за стол...» – канючили мы. «Чем это вы заденете? Ведёте себя, как бабы. А бабам за стол задевать нечем...» Остальные ребята оглушительно хохотали, и мы, попросившись мысленно со своим мужским достоинством, отчаянно прыгали через стол и... вдруг понимали, что нам это под силу и «не так страшен чёрт, как его малюют». – «А ТЕПЕРЬ ПРЫГНЕТЕ ЕЩЁ ТРИ РАЗА, ЧТОБЫ ЗАКРЕПИТЬ ПРЫЖОК».

И мы прыгали и «закрепляли» и после этого начинали относиться к себе с большим уважением. Многому ещё научила настырная Дацук – и падать, не ушибаясь, и кувыркатся, и ходить колесом, и фехтоваться на шпагах... Но лично для меня после прыжков через теннисный стол остальное казалось мелочью.

И вот десять лет спустя я, так и не прыгавший ни разу через окно (за меня через окно прыгали мои куклы – я работал в Уфимском театре кукол), спешил в театр, где проходил фестиваль театров знаменитой Уральской зоны. Я сел в маршрутку «Рафик», но места приличного для меня не нашлось – пришлось сесть на откидушку около двери. Меня тут же попросили разменять деньги – это и стало моим спасением – я не видел надвигающейся аварии. Я только услышал крики: «ТРАМВАЙ!» А дальше всё пошло у меня, как в рапиде – я взлетел с откидного сиденья в воздух, увидел въезжающий в салон трамвай... медленно полетел к ветровому стеклу (оно было выбито головой водителя), затем я вылетел из машины – передо мной был асфальт шоссе. И вот тут я моментально вспомнил навыки прыжка через теннисный стол. Я вытянул вперед

руки, затем сгруппировался и кубарем покатился по асфальту... Мне казалось, что качусь медленно, хоть и недолго. Но когда я стал вставать около разбитой вдребезги маршrutки, уже стояли «скорая помощь» и пожарная машина – вероятно, всё-таки я на время терял сознание. Встав, я оглядел себя – все было на месте, даже колени не расшиб, только из ладоней шла кровь – наверное, я попал при приземлении на битое стекло. Я машинально пошёл к «скорой помощи» и попросил врача смазать мне руки йодом, но в ответ услышал: «Шёл бы ты на... со своими царапинами! Тут два трупа и не счесть, сколько тяжелых!» И вот тут я понял, что сцендвижение под руководством грубоватой Ирины Дацук спасло мне жизнь... И мысленно я поблагодарил ПРЕКРАСНОГО ПЕДАГОГА, сумевшего научить меня этому ненавистному прыжку.

НЕИСТОВАЯ «БОСОНОЖКА»

Когда я слышу фрагменты «Аппassionаты» Бетховена, у меня в голове возникают две картинки – Ленин, произносящий свою знаменитую фразу – «нечеловеческая музыка», и наш педагог по ритмике Лидия Ивановна Гостева, неистово выбивающая своими немолодыми натруженными ногами ритмический рисунок незабвенного музыкального произведения.

Лицом своим она напоминала знаменитую артистку Малого театра Гоголеву – такие же властные черты и горячий, прямо пламенный взгляд, и тёмные круги под глазами. На голове неизменная повязка, а на ногах выдавшие виды, разбитые дробью танцевальных ритмов босоножки.

Хотя начинала учиться танцевать в 1921 году юная Лида совсем без туфель, на ногах – она училась в Москве в школе танца прославленной возлюбленной поэта Сергея Есенина Айседоры Дункан, где обуви на ногах не носили, потому-то в народе их называли «босоножками». Одежды на себе они имели самый минимум, классического балета не признавали, предпочитая двигаться по сцене под музыку в состоянии «свободного полёта». Много критиковали это танцевальное направление за излишнюю свободу – некий анархизм движений и излишнюю эротику в пластике.

Сейчас, перебирая в уме воспоминания полувековой давности, я понимаю, что основные постулаты школы Дункан у Лидии Ивановны никуда не делись, и это помогало ей воспитывать в нас свободу движений на сцене. Она вела нас за собой, как полководец новобранцев в бой, властно покрикивая приказы дальнейших действий. Мы то становились рыцарями из «Ромео и Джульетты», то цыганским табором, то восточными шейхами и невольницами. Ленивых и вялых студентов она не терпела и сразу ставила их на место грозным окриком, а иногда и подзатыльником. Но на её тиранию никто не обижался, так как все мы видели её безграничную любовь к своей профессии и фантастическую самоотдачу.

С ТЕХ ПОР ПРОШЛО МНОГО ЛЕТ, НО ДО СИХ ПОР МЫ ВСПОМИНАЕМ НАШУ НЕИСТОВУЮ «БОСОНОЖКУ» САМЫМИ ТЁПЛЫМИ СЛОВАМИ.

16.04.2018

МИФОТВОРЕЦ МОЛЕВ

Именно Виктор Иванович Молев превратил мою скромную персону в ранг «студента-мифа». Он сам не раз говорил мне при встрече, что рассказывал не одному поколению учащихся НТУ о Володе Миодушевском, который за летние каникулы совершил скачок из самых отстающих по танцу в круглые отличники.

А дело было так – мне действительно очень туго давался предмет – Танцы.

Моё пристрастие к культуризму зажало меня настолько, что я гран-батман мог сделать лишь на 30 градусов... Да и прочие элементы у балетного станка давались необычайно тяжко. И это, безусловно, создавало напряжение в моих отношениях с педагогом этого крайне необходимого будущему актёру предмета... Он совершил ряд попыток чему-то меня научить, но потом отказался от этого, записав меня в ряды индивидуумов, абсолютно неспособных к танцу.

Я ленивым к учёбе никогда не был и старался изо всех сил, потея и злясь на своё непослушное и зажатое тело...

Но вот отгремели экзамены за первый курс, и по танцу я еле-еле вытянул на троечку... Что делать? Этот извечный вопрос русского человека ворочался в моём воспалённом мозгу и не находил ответа. И тут на помощь пришла моя любимая бабушка, прекрасная драматическая актриса, волею судеб закинутая в руководство самодеятельными коллективами Горьковского автомобильного завода. Она позвала на помощь свою ближайшую подругу Юзефу Генриховну Шенц – в прошлом солистку пермского балета, и та согласилась попытаться научить меня хотя бы азам танца. Времени на этот безнадежный эксперимент у нас было около двух месяцев – летние каникулы. И вот наши мучения начались. Юзефа Генриховна решила использовать секреты приёмов обучения. Балетный станок я делал в свинцовых, тяжёлых гетрах на ногах. И проходил его многократно, постепенно увеличивая число повторений. Затем наступали мучительные растяжки и прочие запрещённые в те времена приёмы обучения. Очень скоро я уже мог различать гран-батман, тандю-батман и ронд де жамб партер. Тётя Юзя называла меня «подопытным кроликом» и самозабвенно с упорством Пигмалиона оттачивала элемент за элементом. Времени мы не жалели и могли заниматься по несколько часов кряду до полного моего изнеможения. А свинцовые гетры так и оставались на ногах. «Так когда-то тренировались артисты императорского балета», – шептала мне на ухо моя наставница.

И вот однажды она разрешила мне делать станок без свинца на ногах. И мои ноги стали совершать то, что недавно казалось мне недостижимым – я почувствовал необыкновенную лёгкость и уверенность в движениях...

Совсем незаметно пролетели летние каникулы, и вот я уже стоял у балетного станка театрального училища. Виктор Иванович спокойно наблюдал за нами, и вдруг его взгляд остановился на мне. Далее он подбежал ко мне, выкрикивая названия балетных движений... Он был в полном изумлении. А когда увидел мой гран-батман, то пришёл в полный восторг. Затем от станка мы пошли на середину зала, и там повторилось его изумление. «Володя! Что с тобой случилось?» – почти шёпотом произнес он. «Просто со мной два месяца занимались индивидуально», – ответил я, стараясь не выдавать своего удовлетворения. И тут Виктор Иванович произнёс совсем непедагогическую фразу, но именно она подняла его в моих глазах: «Честно говоря, я было поставил на тебе крест. А теперь я прошу у тебя прощения. Я был неправ, и ты своим трудом и упорством мне доказал, что способен к танцу. Ставлю тебе оценку "ОТЛИЧНО"!»

Я это рассказываю так долго не потому, что хочу похвалиться своими достижениями, а потому, что наш педагог по танцу ВИКТОР ИВАНОВИЧ МОЛЕВ имел мужество признавать свои ошибки и был по-настоящему честным и справедливым человеком. Многому он научил нас по своей профессии, но умение признавать свои ошибки стало для нас уроком на всю жизнь.

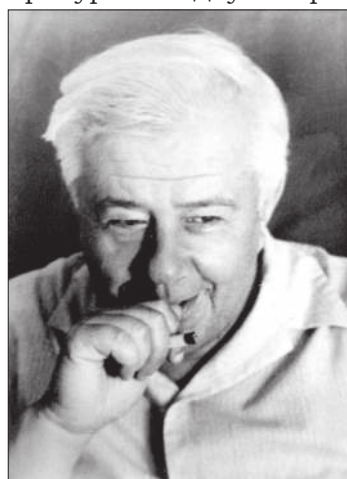
19.04.2018

ПЬЕРО В ТАБАЧНОМ ТУМАНЕ

Валерий Семёнович Соколоверов был нашим педагогом по мастерству актёра. Сам он был актёром незаурядным – недаром он удачно сыграл роли даже в знаменитом «Современнике» и в превосходном фильме «Мой ласковый и нежный зверь».

Когда я увидел его впервые, то сразу же он стал ассоциироваться у меня со знаменитым персонажем комедии масок – Пьеро. Его постоянно приподнятая одна из бровей подтверждала мою догадку.

А ещё он был всегда окутан табачным дымом (курил он непрерывно прикуривая одну сигарету от другой).

*Валерий Семёнович
Соколоверов*

Как и подобает настоящему Пьеро, он частенько бывал печален и только изредка становился весёлым, когда кто-то из нас радовал его удачной работой. Учил студентов он, тщательно прививая вкус к отработке тончайших нюансов исполняемой роли. Частенько давал задачи на сопротивление, отвергая понятия амплуа, и тем самым его воспитанники играли потом в театрах самые разнообразные роли с неизменным успехом.

У него, безусловно, были и любимчики – наиболее одарённые, на его взгляд, студенты, и он охотно помогал им поступить в Школу-студию МХАТ к своим давним приятелям – профессору Массальскому или к Монюкову.

Я учился у Валерия Семёновича всего полтора года, но с удовольствием вспоминаю наш поистине звёздный курс. И будущее подтвердило это. Именно на нашем курсе учились бу-

дущие Народные артисты России Виктор Смирнов, Александр Ермаков и Леонид Ремнев. Заслуженный деятель искусств РФ Виктор Симакин. Народный артист Белоруссии талантливый кинорежиссёр Александр Ефремов. Народный артист Мордовии Виктор Ширманов. Рано ушедший из жизни актер театра «Современник» Александр Ожигин, актёр Московского Нового театра Петр Коробов, директор Ленфильма Геннадий Матюшин, Заслуженный артист Чувашии Анатолий Бурков...

Валерий Семенович был потомственным актёром – его мама была первым режиссёром Горьковского театра кукол.

И ещё у Соколоверова было ценнейшее качество – он умел признавать свои ошибки и до самой смерти беззаветно любил Театр.

КОНФЕТА ЗА ПОСЛОВИЦУ. СОФЬЯ ГУРЕВИЧ

Иностранным языком в нашем училище был, естественно, французский. Преподавала нам его Софья Владимировна Гуревич. А ещё она была куратором нашего первого курса драматического отделения. Обращалась она к нам неизменно так: «Дети мои!» Она тютюшкалась с нами на манер наседки с цыплятами. Но далеко не все цыплята были послушными, и не только мальчики, но и некоторые из девочек втихомолку пробовали курить. А это было строго-настрого запрещено в училище, тем более на первом курсе. С этими индивидами Софа вела ожесточенную войну, но сор из избы не выносила – ведь дело могло бы закончиться отчислением с курса.

Был у нас и студент из Баку Беркалиев, внешне очень похожий на Жана Марэ. Так вот он на своей папке написал шариковой ручкой крупными буквами: «ГОРЬКОВСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ 1-Й КУРС ДРАМАТИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ». А рядом изобразил две театральные

С. В. Гуревич

маски: печальную и смеющуюся. И вот с этой папкой в руках он старался появляться в многолюдных местах Нижнего. И Софе пришлось долго и нудно объяснять восточному красавцу пошлость этой дешёвой рекламы. Тем более, что художник он был никудышный и буквы на папке были написаны вкривь и вкось.

Было много и других самых разнообразных проблем. А уроки она свои вела методом «пряника». А метод «кнута» она не признавала. На каждое занятие по французскому языку она приносила большой пакет вкусных конфет и, сладко и широко улыбаясь, так что были видны её золотые коронки на боковых зубах, она шелестела нараспев: «НУ, ДЕТИ МОИ. А ТЕПЕРЬ СКАЖИТЕ, КТО И СКОЛЬКО ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ВЫУЧИЛ. ЗА КАЖДУЮ ПРАВИЛЬНО ПРОИЗНЕСЁННУЮ

ПОСЛОВИЦУ – ШОКОЛАДНАЯ КОНФЕТА». И конфеты сыпались, как из рога изобилия.

Научить нас сносно говорить по-французски она не смогла, да она и не ставила перед собой этой задачи. Главное было – выучить около 50-ти общепринятых и часто встречающихся в пьесах пословиц и поговорок. И главный упор был на правильное произношение. А ещё мы выучили «Марсельезу» на французском и с большим удовольствием горланили эту революционную песню.

Много лет спустя я шёл по французскому городку Сент Абенд де Медок в обнимку с мэром этого города и пел вместе с ним «Марсельезу» с хорошим французским произношением. Это мне сказал сам мэр. А ещё знание пословиц и «Марсельезы» очень мне помогло на вступительных экзаменах по иностранному языку в Литературный институт им. М. Горького. Этим багажом я поверг в восторг красавицу педагогиню, и она предложила мне самому определить мою оценку. Я скромно выбрал «хорошо», и это позволило мне набрать нужные для поступления баллы. Более того, мне даже довелось играть Медведя в «Машеньке и медведе» на международном фестивале во Франции на французском языке. Вот тогда-то я и вспомнил добрым словом Софью Владимировну с её конфетами за пословицы.

15.05.2018

НАША КЛАССНАЯ МАМА

Не перестаю удивляться, как всё-таки велик русский язык!

Перечёл название моей зарисовки и поразился множеству смыслов и значений этой короткой фразы. И это вовсе не удивительно – ведь человек, о ком пойдёт речь далее, многогранен и удивителен. Это ведь именно об этой девушке была написана одна из лучших песен уникального по своей чистоте и прозрачности стиха горьковско-нижегородского барда времён хрущёвской оттепели Вадима Чернышёва – романтика, своей судьбой совпавшего с печальной судьбой великого русского Поэта Николая Рубцова. Песня об отважной пешке, которая шагала за своим счастьем исключительно по прямой.

Вспомним начало этой популярнейшей в 60-70-е годы песенки: «Жила на свете Пешка – девчонка деревянная, в том самом королевстве, где в клеточку земля...» И именно эта женщина стала впоследствии женой лучшего педагога по сценической речи АГИТМиКа Валерия Николаевича Галендеева и сама стала превосходным Педагогом по этой же архиважной для актёров дисциплине. И это она – Евгения Ивановна Кириллова – была классным руководителем нашего уникального курса. Она сама

в то время недавно окончила Горьковское театральное училище и только начинала свою педагогическую деятельность под руководством потрясающего речевика Людмилы Александровны Булюбаш.

Е. И. Кириллова

Женечка (так мы её звали меж собой) была почти нашей ровесницей и понимала нас, как никто, и была удивительно весёлая и задорная, симпатичнейшая и добрейшая. Не знаю, как другие парни с нашего курса, но я был тайно в неё влюблён. И конечно же, это она вместе с Мастером курса Александром Мишиным объединила и сплотила нас, превратив курс практически в дружную семью. Не считаясь со своими личными делами, она и во внеурочное время была с нами повсюду... А КАКИЕ ИНТЕРЕСНЕЙШИЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ ОНА НАМ ОРГАНИЗОВЫВАЛА?! Мы всем курсом ездили и в Москву, и в Питер, и даже в Ригу. Евгения Ивановна была с нами и во время сдачи экзаменов – переживала за нас и помогала каждому из нас. Она была первым зрителем наших самостоятельных творческих работ и наших знаменитых капустников. Она, безусловно, ПЕДАГОГ ОТ БОГА. И нашему курсу очень повезло, что именно она была нашей Классной дамой... да нет – классной МАМОЙ! ОНА ВО ВСЕМ КЛАССНАЯ!

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

Это его занёс в список своих жертв фашистский снайпер, совершивший «фирменный» выстрел в правый глаз противнику. Пуля попала в глаз и вышла через затылок. Казалось бы, смерть неминуема... но он выжил и стал гениальным артистом театра кукол и уникальным педагогом – человеком-легендой. Это ему на гастролях в Москве на спектакле «Жирофле-Жирофля» чернокожий кукольник будет кричать на весь зал: «Копылов! Копылов! Bravo, Копылов!» И это он будет на фестивале УНИМА показывать свою неповторимую «разминку кукол», когда на сцену выносились несколько неизвестных Копылову кукол, и он их брал одну за другой в руки и начинал виртуозно импровизировать, вызывая восхищение профессионалов нашего «странного жанра». И это его многочисленные ученики будут с особой благодарностью и теплотой вспоминать уроки Мастера.

В училище я не учился мастерству у Юрия Михайловича, но в театре именно он стал моим наставником в профессии, и первой мой ввод на роль Факира в спектакле «Али-баба и разбойники» осуществлялся под его руководством.

Помню наши многочисленные беседы во время гастролей театра – мы обычно поселялись с ним в одном номере (я тогда не курил, а Копылов не выносил запах табака, и это сыграло решающую роль в поселении меня с ним в один номер). Именно тогда я услышал от Юрия Михайловича подтверждение фразы: «Учи других, и сам научишься». Он говорил мне, что только когда стал преподавать мастерство кукловодства, в полной мере стал понимать все тайны и нюансы нашего главного в жизни дела.

Кстати, кукла у Копылова оживала моментально, едва попав в его руки, и частенько он о чём-то говорил, а кукла, которую он держал в руках, жила какой-то особенной неповторимой жизнью.

А ещё именно Копылов преподнёс мне замечательный урок в разделе «медные трубы». Это было тогда, когда Мастер заболел и Александр Иванович Мишин ввёл меня на две его роли в спектакле «Королевская ложа», а именно на роли Инспектора тайной полиции и поручика Каэнта.

Юрий Михайлович Копылов

на-Вагаридана, ставшего впоследствии маршалом. Я многократно видел этот спектакль и знал все роли почти наизусть. Ну, а роли Копылова мне нравились особенно. Ввод мой прошёл успешно, и я с удовольствием играл спектакль за спектаклем, радуясь бурным аплодисментам зрителей. И вот, когда Юрий Михайлович выздоровел, он пришёл посмотреть на мою работу. Приём зрителей был, как всегда, восторженный и я счастливый подбежал к Копылову с вопросом: «Ну... Как?» Юрий Михайлович несколько помедлил с ответом, а потом произнёс фразу, вылившую на мою разгорячённую гордыней голову ушат холодной воды: «Отличная копия! Но это только копия моей роли. А твоей она пока не стала...» – «А когда станет?» – ошарашенно промямлил я. – «Думаю,

лет через десять упорного труда. Когда сам научишься создавать роли», – негромко произнёс Мастер. И эта фраза научила меня многому.

Потом, когда я работал очередным педагогом по мастерству актёра у Юрия Михайловича, я открывал для себя всё новые и новые горизонты чудесного ВОЛШЕБНОГО МИРА – ТЕАТРА КУКОЛ. И во многом благодаря спокойным и ненавязчивым советам этого ЧЕЛОВЕКА-ЛЕГЕНДЫ.

КУКОЛЬНЫХ ДЕЛ ЛЕВША. В. А. КИСЛЯКОВ

Есть на кукольном отделении предмет, которого нет и не может быть на привилегированном драматическом. Этот предмет – технология изготовления кукол.

И действительно, кукольники (по аналогии с консерваторией) инструменталисты, драмики – вокалисты.

И конечно же, человек, взявший в руки куклу и решивший сделать игру с куклой своей профессией, должен знать устройство своих самых разнообразных инструментов, уметь изготовить, а иногда и срочно починить это загадочное существо под названием «кукла».

Так вот, в училище преподавание технологии делится на две части: одна, из которых лепка голов, пошив одежды кукол, а другая – ознакомление с работой кукольного конструктора, человека, сочиняющего и умеющего изготовить простые, а иногда и очень сложные механизмы, находящиеся внутри куклы. Механизмы эти дают возможность кукле двигаться, открывать рот, шевелить ушами и совершать диковинные действия, которые человек сделать не сможет. Ну, например, от счастья потерять голову, а потом найти её и водрузить на соответствующее место.

И научить студентов этим премудростям может только человек, умеющий сам всё изготовить, а главное, придумать принципы работы механизмов.

У нас в училище был такой уникальный мастер, своего рода Левша кукольных дел. Звали его Виктор Алексеевич Кисляков.

*Виктор Алексеевич
Кисляков*

Учил он нас, в основном, показом процесса изготовления на собственном примере. Дело в том, что Виктор Алексеевич сильно заикался, и объяснять что-то устно ему было достаточно трудно. Зато показывал своё мастерство он блестяще.

Кстати говоря, заикаться этот удивительный человек начал после ужасающего по своей простоте эпизода.

Кисляков был на фронте разведчиком, и однажды, возвращаясь с задания и попав под артобстрел, он решил укрыться в воронке от взрыва авиабомбы. И там он неожиданно столкнулся с фашистом громадного роста. В одной руке у этого гиганта был пистолет, а в другой – кинжал. Виктор Алексеевич успел захватить его руки, и началась отчаянная борьба не на жизнь, а на смерть! Фашист был физически сильнее Кислякова, и тот понял, что его силы скоро иссякнут, тогда и наступит трагический финал этого боя. И вот тут-то прямо на уровне рта Кислякова оказалась шея противника, ведь он был на голову выше. И Виктор начал грызть ненавистное горло фашиста. Остановился он только тогда, когда понял, что перегрыз горло до позвоночника. Вот после этого случая Виктор и стал заикаться, а ещё ему по ночам часто чудился вкус человеческой крови. Ордена и медали военных лет он не надевал. Один раз он надел их на День Победы. И люди были поражены их количеством: вся грудь его была увешана наградами. А в жизни он был человеком добрейшим, незлобивым и исполнительным. Единственно, чем он страдал, так это периодическими запоями – война давала себя знать.

Но для него практически не было нерешаемых задач. А нас – своих подопечных – он учил продуманности и несуетливости в работе. «С-с-с... сначала-сначала, э-это самое, в голове в-всё изготувь, а потом и руками д-делай. И м-материал сэкономишь, и переделывать не придётся».

Виктора Алексеевича уже давно нет, а его знаменитые гапиты для тростевых кукол всё ещё работают в Нижегородском академическом театре кукол и в других самых разных творческих коллективах.

И люди, которых он научил своему уникальному делу, сначала думают, а только потом приступают к делу.

Светлая память этому скромному Левше кукольных дел с золотыми трудовыми руками и светлой, поистине творческой головой.

11 мая 2018

САША РУСИН

Не знаю почему, но Александра Русина – педагога по мастерству актёра с куклой – все наши студенты меж собой полным именем, а уж тем более по отчеству не звали. Для всех он был Саша Русин – человек во время своих занятий более всего занимающийся игрой на фортепиано. Скорее всего, это происходило от его небольшого роста, задиристого характера, а главное – от ребячьего поведения.

Он начинал учиться вместе с Александром Ивановичем Мишиным режиссуре у прославленного педагога ЛГИТМиКа Мих. Мих. Королёва, но не потянул и получил диплом актёра-кукловода высшего образования... Наверняка его мечтой было руководство театром. Невозможность осуществить эту мечту вырабатывало у него огромный комплекс неполноценности и толкало к обычной склонности непризнанных гениев на Руси – питию горячительных напитков. А вот актёр он был, что называется, «от Бога», и в театре вспоминали его блестяще сыгранные роли. Но из театра он ушёл на преподавательскую работу в училище с мыслью доказать свои незаурядные режиссёрские способности.

В силу своего холерического темперамента и склонности быстро остывать к начатому делу преподавал он с некой небрежностью и оживлялся только тогда, когда садился за инструмент – фортепиано – и начинал лихо аккомпанировать студентам, играющим за ширмой. Показы он делал изумительные, но очень короткие – ему казалось, что любой человек

после его показа должен всё запомнить и повторить.

Я не учился у него и встретился с ним при довольно тяжёлых в моей жизни обстоятельствах – меня только что отчислили с драматического отделения со второго курса с формулировкой «несоответствие внешних и внутренних данных».

По многим предметам у меня были отличные оценки, и наш директор – в то время Лира Ивановна Смирнова – предложила перейти на кукольное отделение с правом выбора: я мог перейти сразу на третий курс или остаться на второй год, перейдя на первый. Второго курса у кукольников в то время не было.

Естественно, что я пошёл на третий курс, которым руководил именно Русин. Он встретил меня радушно, и, когда я высказал свои опасения по поводу того, что никогда не держал куклу в руках, а они уже репетируют дипломные спектакли, Русин с какой-то бесшабашной откровенностью сказал: «Ерунда! Водить куклу я тебя научу за две недели и дам хорошие главные роли в дубль к моим студентам. Я посмотрел твои оценки. У тебя есть все возможности окончить училище с красным дипломом».

Это заявление озадачило меня, но я всё-таки пошёл на репетицию дипломного спектакля. И то, что я увидел, подтолкнуло меня к мысли: лучше остаться на второй год и научиться мастерству кукловождения по-настоящему, а не просто получить диплом, пусть даже с отличием, но без крепких навыков.

Я видел, что Саша Русин в основном уделяет больше внимания игре на фоне, а то, что происходит на сцене, его волнует мало – ведь он уже сам для себя всё проиграл, всё осмыслил и потерял к этому свой интерес. Правда, я стал и свидетелем яркого, замечательного педагогического показа Русина. Но он блеснул своим талантом и опять перешел к тапёрской деятельности, которая занимала его гораздо больше, чем скучное наставничество в роли учителя. Для себя я сделал вывод, что этот прирожденный и талантливый артист в данный момент играет достаточно поднадоевшую роль педагога, а потом сыграет роль и замечательного друга или ещё кого-нибудь.

Мои мысли подтвердил эпизод, когда Русину знаменитый кинорежиссёр Ордынский доверил роль Ленина в сериале «Хождения по мукам».

Пятая серия снималась у нас в Нижнем. Актёр, играющий Ленина, по какой-то причине не смог приехать на съёмки, и дублером на короткий эпизод был назначен Александр Русин! Это был его звёздный час. Когда его загримировали под вождя мировой революции, он тут же побежал в студию фотографии и сделал массу снимков на память. И хотя его эпизод был без слов и снимали его издали, он наслаждался своим успехом и купался в лучах славы...

Да, педагог он был достаточно поверхностный, но, глядя на его выпускников, я понимаю, что они смогли многое взять из его коротких, но блестящих показов, и большинство из них стали прекрасными мастерами чудесного волшебного театра кукол. И это безусловная заслуга задиристого и по-мальчишески непоседливого, рано и трагически умершего талантливого актёра Саши Русина.

*Александр Русин.
Фото А. Мюрисена*

ЧЕЛОВЕК НЕОБЫЧАЙНОГО ДАРА

Конференция ВТО (Всероссийского театрального общества) в городе Горьком. 1973 год. Идет выступление легендарной Марии Иосифовны Кнебель. Она взволнованно говорит: «Берегите этого человека! Создавайте все условия для успешной деятельности этой незаурядной личности, а не то Москва похитит его из Горького. Хотя (как это ни прискорбно сознавать) рано или поздно это событие произойдет...»

О ком же шла речь в этом запоминающемся выступлении Кнебель? Об Анатолии Мироновиче Смелянском, заведующем литературной частью Горьковского ТЮЗа и, по совместительству, нашего педагога по истории русского театра.

Любое его выступление – это фейерверк остроумия, глубины мысли и гениального артистизма. Недаром на его лекции в Театральном училище правдами и неправдами стремились попасть студенты многих нижегородских вузов. Стремительный, вечно куда-то спешащий и удивительно обаятельный, он умудрялся за отведённую ему пару академических сорокапятиминуток с блеском изложить тему урока по русскому театру и ещё ярко рассказать о новинках современного театра. Делал это он восхитительно, и нам казалось, что мы воочию видим уникальные спектакли Товстоногова, Эфроса и Любимова, и других. Я бы даже сказал, что позднее, когда видел эти спектакли по каналу «Культура», они производили на меня меньшее впечатление, чем рассказы о них Анатолия Мироновича.

Но у меня с ним были более близкие отношения – именно он разглядел во мне драматурга и посоветовал поступать в Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Он же, уходя из ТЮЗа в Москву, посоветовал главному режиссёру, талантливейшему Борису Абрамовичу Наравцевичу, взять на эту должность меня. К сожалению, Борис Абрамович всё время сравнивал меня со Смелянским, а я, конечно, не выдерживал никакого сравнения. Кроме того, меня постоянно тянуло в Театр кукол, и, проработав два года, я ушел из ТЮЗа.

Но вернёмся к Смелянскому. Он обладал магическим даром импровизации и умением превратить даже, казалось бы, незначительный факт в событие уникальное и незабываемое. Помню его выступление на юбилее одного из старейших артистов ТЮЗа, человека средних способностей и единственно где лидирующего, так это в своём прямо-таки маниакальном пристрастии к русской бане. И вот на этом-то Смелянский и построил свою превосходную часовую речь, чем и вызвал всеобщий восторг слушателей и слезы умиления у юбиляра.

Анатолий Миронович во многом был первооткрывателем и первый защитил кандидатскую диссертацию по не очень почитаемому властью М. А. Булгакову. А после Нижнего он шагал к вершинам театра семимильными шагами: Центральный театр Советской армии, затем МХАТ под руководством Олега Ефремова, затем работа с Олегом Табаковым, ректорство в Школе-студии МХАТ. А какой выдающийся цикл телепередач он создал на канале «Культура»! И вот этот талантливейший Человек был нашим педагогом!

При этом он ещё обладал удивительным даром юмора. Помню, как он объяснял нам, что такое актёрская самоуверенность на примере из жизни «Щельково».

Дом творчества актёров. На террасе только что слегка оправившийся от обширного инсульта актёр-трагик, обладавший громо-

Анатолий Миронович
Смелянский

вым голосом. Он играет с товарищем в шахматы. Сегодня явно не его день... Он проигрывает, а потому нервничает. Тут к нему подплывает его новая красавица жена, моложе его младшей дочери. Она кокетливо произносит: «Олежек! Тебе пора ножку разгуливать!» Трагик бросает на жену испепеляющий взгляд и шипит: «Отвяжись! Видишь, я партию ещё не закончил». – «Партия у нас одна – КПСС, а ножку разгуливать надо! Тебе что Айболит сказал?» – «Сказал, чтобы ты ко мне не приставала не вовремя!» Жена не унимается и продолжает попытки оторвать трагика от шахматной доски, делая это всё активнее, агрессивнее и веселее. Тогда убеждённый сединой инвалид, вращая глазами, кричит молодой красоте: «А я ведь могу и на... послать!» Вот она, «актёрская самоуверенность!»

А как он уникально провёл выпускные экзамены у нас на курсе! В это время у него уже начиналось сотрудничество с Москвой, и он должен был срочно уехать в столицу. Собрав наш курс в аудитории, он сказал: «Володя Миодушевский! Дай мне свою зачётку». Я положил зачётку на стол. «Ставлю тебе отлично! *И доверяю принимать у курса экзамены!* Я сейчас распишусь в зачётках, а оценки поставишь ты. Думаю, вы меня не подведёте». Он поставил в зачётках росписи и уехал. В тот день наш курс, почти весь, получил отличные оценки. Исключение составили лишь два человека, получившие оценки «хорошо». Вот так карнавалено-амбивалентно (пользуясь терминологией М. М. Бахтина) завершились наши занятия по истории русского театра. Но до сих пор каждый из нас помнит то, что виртуозно нам рассказывал этот необыкновенный, незабываемый и любимый учитель.

28.04.2018

ЖЕНЩИНА, СЫГРАВШАЯ ПЕРВОГО МУЖЧИНУ

Выступление в Москве – дело очень ответственное, а показ «Божественной комедии» самому Сергею Образцову – это наивысший риск. Но главный режиссёр Горьковского театра кукол Юрий Елисеев на этот риск пошёл. Пьеса, когда-то написанная для театра Образцова, заиграла в спектакле нижегородцев другими красками. Используя эффект «чёрного кабинета», Елисеев заставил артистов, играющих Бога и ангелов, парить в невесомости. На актёрах, исполняющих главные персонажи спектакля, были надеты куклы-тантамарески – лицо (в маске) и живые руки актёра, а туловище и ноги кукольные. Много позднее, играя в этом спектакле ангела «Д», я вкусил сложность игры роли, находясь в постоянном движении – вниз-вверх, влево-вправо. А как же иначе? Это же «НЕВЕСОМОСТЬ»!

Этот приём Образцов принял безоговорочно. А вот то, что первого человека-мужчину Адама в елисеевском спектакле играла женщина, Сергей Владимирович категорически отказался понимать. Оратором он был превосходным и выдал такую искромётную тираду по поводу этого (на его взгляд) вопиющего несоответствия, что весь коллектив ГТК как-то притих... Все ждали реакцию Елисеева. Юрий Николаевич поблагодарил мэтра за высокопрофессиональный разбор спектакля, за дельные советы и сказал, что сделает соответствующие выводы. И... оставил всё как есть. И так Александра Ивановна Харчевникова играла первого мужчину до своего ухода на пенсию.

Адам в её исполнении был ребячлив и настолько обаятелен, что многие из его реплик вызывали зрительские аплодисменты. И как актёры времён Шекспира – мужчины, играющие женские роли, так и Харчевникова, играющая АДАМА, протеста у зрителей не вызывала. Кстати, сначала на эту роль был назначен великий артист Юрий Копылов, но Александра Ивановна была убедительнее в этой роли, и Елисеев утвердил её.

Сейчас в моде слово «харизма». Так вот, Харчевникова обладала кукольной харизмой. И голос, и движения кукол, ведомых Шурой (так артисты за глаза величали Заслуженную артистку России) были неповторимо-уникальными.

*Александра Ивановна
Харчевникова*

Вспоминаю разбойника из спектакля «АЛИ-БАБА И РАЗБОЙНИКИ». У этого персонажа, исполняемого Харчевниковой, была лишь одна фраза: «Не может быть!» (не может быть), но дети, выходя из зала, хором повторяли: «НЕ МОЗЕТ БЫТЬ!»

И вот эта потрясающая актриса преподавала на нашем курсе мастерство актёра и поставила спектакль «Вредный витамин», в котором мне досталась одна из главных ролей, Лешего, и мне довелось много общаться с «Шурочкой».

Начала работу над спектаклем Александра Ивановна с истории (удивительной) возникновения пьесы «Вредный витамин». Главный художник театра Александра Петровна Колесникова вме-

сте с чудо-конструктором Виктором Кисляковым создали уникальную куклу, которая могла трансформироваться из доброго персонажа в злого и делать другие фокусы.

Юрий Николаевич Елисеев, кроме режиссуры, занимался (и очень успешно) драматургией и, назвав эту куклу Оборотнем, сочинил забавную пьесу о том, как хорошего мальчика злые силы хотят превратить в плохого, дав ему вредный витамин. Александра Ивановна за основу преподавания брала в основном показ, и это было настолько ярко и хорошо запоминалось, что длинные теоретические беседы, поиски «зерна» роли, сверхзадачи и сквозной линии как-то сами собой отпадали, но, тем не менее, спектакль получался весёлым и прекрасно выстроенным.

Харчевникова была удивительно смешлива – а смеялась она настолько заразительно и громко, что в малый репетиционный зал даже заглядывали студенты других курсов.

Помню, как мы поведали Александре Ивановне эпизод разбора образа Ивана-дурака одним из студентов старшего курса. Он долго перечислял положительные качества Дурака – доброту, сообразительность, готовность прийти на помощь – и неожиданно резюмировал это перечисление: «Да что там говорить! Он был как Ленин!» Александра Ивановна на смеялась над этим до слёз минут десять.

Талантливая актриса никогда не навязывала нам своей трактовки роли, но, как я уже сказал раньше, частенько убеждала искрометным показом. И мы благодарны ей за эти удивительные мгновения.

28.05.2018

СОЛО КУТУЗОВА

Не знаю почему, но каждый раз, смотря на нашу добрейшую педагогиню по сольному пению Софью Сергеевну Зимакову, я представляю прославленного полководца Кутузова. То ли это было связано с её внушительной фигурой, то ли с тем, что она в силу своего почтенного возраста частенько дремала, прикрыв один глаз, то ли потому, что она ещё и возглавляла немногочисленную парторганизацию педагогического состава ГТУ. Наверное, последняя причина и громкий хорошо поставленный голос способствовали командному впечатлению, которое производила эта милейшая и добрейшая женщина.

У неё была постоянная концертмейстерша Лерочка, умудрявшаяся, бойко аккомпанируя, успевать читать очередной роман, поставленный на пюпитр вместо нот.

Своё дело Софья Сергеевна знала в совершенстве и за крайне короткое время, отведенное нам на индивидуальные занятия, успевала нас распеть, дать важные советы по трактовке песни или арии, а ещё и поработать над постановкой голоса.

Каждому из нас она присваивала имя какого-либо цветка – девочки получали прозвища Роза, Незабудка и т. д. А мне достался Гладиолус, который я сразу переделал в Гладиолух. Слух у меня был неплохой, но не абсолютный, и, когда я в очередной раз фальшивил, Софья Сергеевна, всплеснув руками, нараспев громко произносила: «Володенька! Поёшь громко, но не чисто. В нотки-то надо сразу попадать. Лерочка! Дай ему «фа», пусть послушает и запомнит». Лерочка, оторванная от чтения романа, презрительно смотрела на меня и несколько раз нажимала на клавишу «фа».

Но педагогическая деятельность – это одно, а вот общественная нагрузка – руководство парторганизацией – это другое. Помню, как она на банкете в честь окончания училища опекала одного из наших педагогов, успешно завязавшего с чрезмерным потреблением горячительных напитков. Она, как орлица, будто крыльями, закрывала его руками от протягиваемых рюмок. Было в этом что-то трогательно-материнское.

И вот однажды я чуть не довел её до инфаркта. Дело в том, что в училище я был славен тем, что успешно писал и ставил капустники. И вот нашей чудесной классной dame Евгении Ивановне Кирилловой пришла в голову замечательная идея – поручить мне сделать некое сценическое действие ко Дню Конституции СССР. Я с энтузиазмом взялся за это дело и, решив, что праздник надо отметить повеселее, приготовил со своим курсом театрализованное поздравление. А надо сказать, что совсем недавно я съездил в Москву и посмотрел там, в Театре сатиры, «Баню» Владимира Маяковского и находился под впечатлением от этой постановки.

И вот наступил день праздника. Актёрский зал был полон. Софья Сергеевна сидела в первом ряду, нарядная и торжественная. Зазвучала мелодия Гимна Советского Союза, и медленно открылся занавес. На сцене стояла красивая девчушка маленького роста – Оля Вихорева в короткой юбочке и держала в руках табличку с надписью «КОНСТИТУЦИЯ СССР». Зал зааплодировал, и тут грянула мелодия песни «Наш паровоз, вперед лети! В Коммуне останься». И под эту мелодию на сцену бодрым шагом вышли другие девочки в коротких юбочках с плакатами в руках «право на труд», «право на образование» и т. д. Они покружились на сцене и, бодро маршируя, покинули её. Студенты дружно смеялись, а нашему «Кутузову» было не до смеха. Она медленно поднялась со стула и пошла за кулисы. Увидев меня, спросила: «Володя, что это было?» «Поздравление с Днем Конституции», – вымолвил я. – «Какое поздравление?» – «Театрализованно-капустничное», – потупив взор, прошептал я. Софья Сергеевна с тяжелым вздохом изрекла: «Меня чуть кондрашка не хватила. Хорошо, что из райкома никого не было...» Больше серьёзных мероприятий мне не поручали...

*Софья Сергеевна Зимакова.
Фото А. Мюрисена*

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МУЗЫКА

Когда я учился в Театральном училище, у меня был друг-сокурсник Дима Столбов, и мы вместе придумывали и играли театральные этюды – небольшие сценки. Как-то мы придумали сценку из ковбойской жизни. А какой же ковбой без пистолета? Причём пистолет обязательно должен стрелять по-настоящему! Мы достали два стартовых пистолета, зарядили их, положили в мою папку и отправились на урок мастерства актёра.

Но урок в этот день перенесли на более позднее время, потому что в театральном зале, где он должен был проходить, в это время устроили концерт студентов консерватории. Нас с Димкой почему-то выпихнули в первый ряд, мы сели и настроились слушать серьёзную музыку. Ведущая объявила «Аппassionату» Бетховена, и на сцену вышла консерваторка довольно небольшого роста, поэтому и стул у фортепиано ей оказался низковатым. Чтобы ей сесть повыше, наш педагог по сольному пению вырвала из моих рук папку и положила её на сиденье, как подставку. Девушка села на папку и начала играть. Играла она очень эмоционально и, чтобы ярче сыграть аккорды, подпрыгивала на стуле. Мы с Димкой посмотрели друг на друга и стали смеяться, как ненормальные, потому что при таком обращении пистолеты могли запросто сработать. Все наши старания как-то остановить смех были безрезультатными, мы выбежали из зала и продолжали истерически хохотать в коридоре. После концерта наш педагог по сольному пению сказала нам: «Не ожидала от вас отсутствия элементарной культуры!»

С тех пор прошло более сорока лет, но, когда я слышу «Аппassionату» Бетховена, про которую Ленин с восторгом сказал: «Нечеловеческая музыка!», – я вспоминаю пианистку, сидящую на пистолетах, и меня охватывает смех.

Что поделаешь – приобретённый рефлекс.

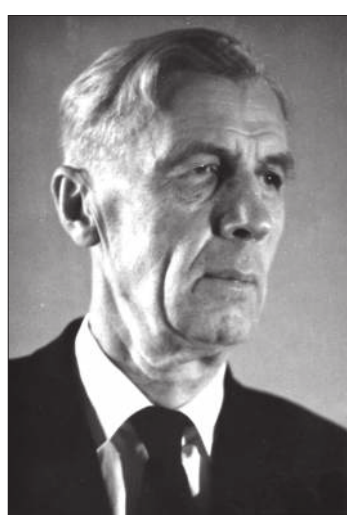
НИЖЕГОРОДСКИЙ ДОН КИХОТ

Этот человек был замечен даже в большом скоплении народа – он отличался какой-то особой привлекательностью (сейчас это называют харизмой). И дело было даже не в его высоком росте и природной аристократичности, не в его действительном сходстве с легендарным героем Сервантеса – рыцарем без страха и упрека – ДОН КИХОТОМ. Притягивал людей весь его облик, его манера держаться и, конечно, уникальный по тембру голос, и с несколько акцентированием носовых резонаторов...

Не буду говорить том, что он был блестящим полемистом и превосходным оратором. Причём в нём не было ни намёка на заумь – он мог объяснить всё простым языком, не прибегая к таинственным понятиям об «амбивалентности окружающего мира, гиперболизированного чувственного восприятия или психоделической основе театра».

Рассказывая нам, студентам-первокурсникам Театрального училища, об игре артистов античного театра, он просто продемонстрировал, как древний актер должен был высморкаться на арене Колизея, где громадное пространство сцены, тысячи зрителей, каждый из которых должен увидеть игру актёров во всех подробностях. Он встал на два стула, пояснив нам, что это котурны для увеличения роста исполнителя, затем достал из кармана платок, широким жестом отвел руку подальше от туловища, взмахнул платком, фиксируя на нём внимание зрителей, затем зычно высморкался, опять отвёл руку с платком подальше от туловища и только потом театрально положил его в карман. Мы аплодировали, дружно смеялись, но мысль о широком и не бытовом жесте античного театра в нас врезалась на всю жизнь.

Звали этого удивительного человека Георгий Аполлинарьевич ЯВОНОВСКИЙ. Настоящий дворянин, интеллеktуал и необыкновенно добрый

*Георгий Аполлинарьевич
Яворовский*

и не потерявший в себе любопытно-пытливо-го Детства Человек.

Он читал нам историю театра, основы сценической речи, а факультативно преподавал манеры хорошего поведения в обществе. Преподавал предметы он чудесно, и практически все занятия завершались аплодисментами этому Мастеру. Но вот факультатив мы частенько пропускали, совсем не понимая, что знать, какой ложкой или вилок есть ту и или иную пищу, очень важно для артиста.. Потом мы горько жалели об этом... но было поздно.

Но кое-какие его наставления, советы я помню. Загадочно смотря на нас, он говорил: «Ну-ка, молодые люди. Я обращаюсь к мужской половине курса. Ответьте мне, какие часы нужно носить в зависимости от надеваемой вами одежды?» Мы пристыженно молчали... «Объясняю популярно. Летом, когда вы

носите футболку с коротким рукавом, смело надевайте наручные часы. А вот когда на вас смокинг, фрак или пиджак с жилетом, рекомендую носить часы карманные. Очень неплохи часы фирмы Мозер или Павла Бурэ. Потом, победно улыбаясь, он громогласно изрекал: «А СКОЛЬКО ПАР ОБУВИ КАЖДЫЙ ИЗ ВАС ИМЕЕТ?» Поочередно мы открывали Учителю тайны индивидуальных накоплений экземпляров отечественной обувной промышленности. Самый высокий результат оказался у меня, пять пар... Яворовский посмотрел на меня с сочувственным прищуром и произнес ошарашивающую фразу: «А у меня 22 пары – это тот минимум, который я могу себе позволить». Кто-то из нас решил сострить: «Огласите весь список... пожалуйста». И Георгий Аполлинарьевич начал перечисление своей обуви. Сюда входили осенние, зимние и летние туфли, концертные ботинки, а потом и туристические, и лыжные ботинки, сапожные сапоги, несколько пар калош и домашних тапочек. И была среди них обувь с загадочно-дореволюционным названием – гамаши... Многому он ещё мог научить нас, но мы не слишком серьёзно относились в то время к этим занятиям, а когда спохватились, было поздно: Яворовского не стало – он умер во время операции (не выдержали наркоза легкие).

В то время я учился на драматическом отделении, и мы – что греха таить – поглядывали на кукольников свысока, но Георгий Аполлинарьевич рассказывал нам о театре кукол как об удивительном виде искусства, более древнем, чем драматический театр. И это не случайно: ведь именно Яворовский со своей женой и основал знаменитый Нижегородский, впоследствии академический театр кукол. И именно ему я обязан своему приходу в Театр кукол.

Дело в том, что, несмотря на высокие оценки по всем предметам, меня на зимней сессии второго курса отчислили с формулировкой «несоответствие внешних и внутренних данных». Тогда мне предложили перейти на режиссёрское отделение, но я от этого предложения отказался. И вот тут-то ко мне подошёл Яворовский и сказал приглушённо-сочувственно: «Володенька... Я слышал о твоём горе... Мой тебе совет: иди на КУКЛЫ, и ты не пожалеешь и будешь вспоминать меня самыми добрыми словами».

С тех пор прошло более полувека, и я до сих пор каждый день вспоминаю моего Учителя и благодарю его за данный мне совет...

И закончу я своё повествование удивительным эпизодом из жизни этого легендарного человека.

Георгий Аполлинарьевич всю жизнь занимался горным туризмом и побывал практически на многих горах мира. И вот однажды в горах

Тянь-Шаня он встретился в одной из пещер со старцем-отшельником – кажется, он называется... Ламой. Лама внимательно посмотрел на Яворовского и воскликнул: «Георгий! Ты ли это?»

Лама оказался одноклассником Георгия по гимназии. И потом всю ночь они весело вспоминали гимназические годы...

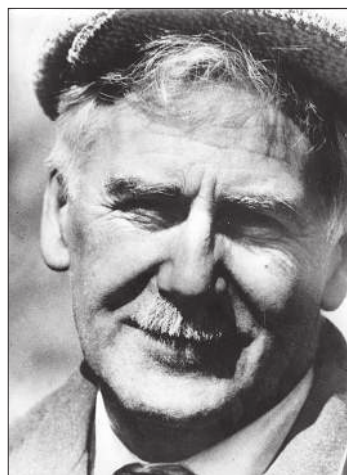
Яворовский прожил долгую жизнь, оставаясь душой восторженным гимназистом! И именно он со своей женой Татьяной был основателем Нижегородского театра кукол. Долгое время знаменитый, а ныне и академический Нижегородский театр кукол пытается добиться того, чтобы называться театром имени Г. А. Яворовского, но пока безрезультатно. Очень жаль...

27 апреля 2018

ДИРЕКТОР, ОТКРЫВШИЙ ЕВГЕНИЯ ЕВСТИГНЕЕВА

Сейчас кто ни попадя рассказывает театральную байку о том, как директор Горьковского театрального училища по наводке народных артистов РСФСР Николая ЛЕВКОЕВА и Василия РАЗУМОВА открыл в Канавинском фрезеровщике и джазовом барабанщике-любителе великого артиста, имя которого с гордостью носит Нижегородское театральное училище – Евгения Евстигнеева. Интерпретации этого знаменательного события самые разные, но суть одна: директор сумел разглядеть в канавинском паренёчке незаурядный талант. И звали этого директора-провидца Виталий Александрович Лебский. И я счастлив, что знал этого человека и имел возможность некоторое время у него учиться и общаться, и даже приходить в гости в его дом.

Внешне он был очень скромным человеком, я почти всегда видел его в одном и том же недорогом и выдавшем виды костюмчике, неизменной кепочке и потёртом пальто. Зато библиотека его поражала своим размером и уникальностью собранных книг. Недаром, когда после смерти Лебского значительная часть этой библиотеки, согласно завещанию, была передана в Театральное училище – библиотека училища превзошла в театральном отделе Горьковскую областную библиотеку им. В. И. Ленина.

Виталий Александрович Лебский. Фото В. Сандлера

Почти все зарабатываемые деньги Лебский тратил на приобретение редких книг.

Помню, как он весело рассказывал о том, как любопытная бухгалтерша, видя то, как он скромно живёт, поинтересовалась у него, куда он деваает деньги. «На книжки», – моментально ответил Виталий Александрович – «И сколько же у вас книжек?» – не унималась дотошная женщина. – «Около пяти тысяч...» – «Пять тысяч сберегательных книжек!» – предынфарктно воскликнула ошарашенная дама. Ведь в её сознании существовал лишь один вид книжек – сберегательные.

А первую фразу, которую он адресовал мне, я запомнил на всю жизнь: «Миодушовский – автозаводская шпана! Ты что, решил обойтись на приёмных экзаменах без второго тура?» В ответ я лепетал, что думал, что не прошёл на второй тур, не увидя себя в списке допущенных ко второму туру. «Надо было подождать листочка, приказа было два. Ну что с тобой, дураком, поделаешь. Будешь сдавать оба тура в один прием», – выпалил добрейший Виталий Александрович. Он видел, что я сказал правду, и разрешил мне участвовать в дальнейшем конкурсе.

А как трогательно и нежно он относился практически к каждому студенту ГТУ!

Одной из студенток, попавшей на операцию по удалению аппендикса, он в палату послал подбадривающие стихи.

Очень он заботился и о выпускниках училища – ездил в театры, в которые они были распределены, помогал получить общежитие и просил режиссёров более внимательно относиться к новичкам. Работал он на износ, и у него случился обширный инсульт. Я приходил навещать его к нему домой, и разговор был исключительно о делах родного училища. До самой смерти.

Училище для Лебского было делом всей жизни...

Добрее человека, чем Виталий Александрович, я не встречал...

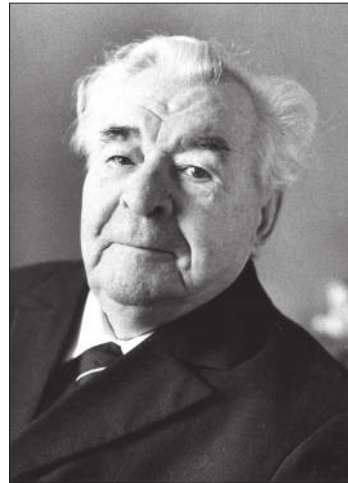
10 мая 2018, 14.05.2018

КАЛОШИ ЛЕВКОЕВА

Когда я учился в Нижегородском театральном училище на первом курсе драматического отделения, то чувствовал себя, как и все первокурсники, по меньшей мере народным артистом. Кстати, существует такая поба-сенка: в театральном училище на первом курсе все – народные артисты, на втором – заслуженные, на третьем – просто артисты, а на четвертом – студенты, понимающие, как много они ещё не знают и не умеют. Так вот, ходили мы, первокурсники, по училищу, переполненные чувством собственного достоинства, боясь не расплескать его, а оно наполняло нас до краёв. А на третьем курсе художественным руководителем был Народный артист РСФСР Николай Левкоев – ему было под восемьдесят, ходил он, опираясь на трость, и всегда, даже летом, носил калоши... А что? Очень даже удобно: пришёл в училище или театр, снял запылённые и грязные калоши, а под ними – сверкающие начищенные ботинки.

Артистом Левкоев был замечательным, помню его странника Луку в спектакле «На дне» – это было что-то фантастическое! Со студентами своего курса он был строг, но строг по-отечески, они звали его «Папа» и очень любили. А вот мы, первокурсники, когда Папа заходил в училище, пытались от него удрать – дело в том, что, заметив кого-то из нас, Левкоев тыкал в него своей тростью и говорил: «Идём со мной в учительскую». Это означало, что первокурсник должен был снять с Папы калоши. А нам это казалось страшно унижительным занятием, вот мы и прятались от него и считали самодуром. Сейчас, когда я сам хожу с тростью по причине болезни суставов ног, то отлично понимаю, что это не было никаким проявлением барства, а простой необходимостью. Более того, если бы повернуть время вспять, в то время я посчитал бы великой честью помочь снять калоши легенде нижегородской драматической сцены...

Да, большое видится на расстоянии...

Николай Александрович
Левкоев

СИ БЕМОЛЬ БЕКАР И РАЗВРАТНЫЙ МЕХАНИЗМ

А сейчас хочется вспомнить предметы, на которые выделялось крайне мало времени и которые по отношению друг к другу были диаметрально противоположными.

Это музлитература с уроками по сольфеджио и военное дело.

Да и педагоги этих предметов внешне были контрастны друг другу.

Лия Владимировна Виноградова была женщиной плавных округлых форм с соответствующим внешности тихим нравом и ещё более тихим

голосом. Помогая нам на сольфеджио, она едва слышно подпевала фортепиано...

Демаков был подполковником в прошлом, но если он и ушёл из армии, то армия из него не ушла, и командный голос остался. Хотя Константин Васильевич старался вести себя с театрами как можно мягче.

Занятия по военному делу, в основном, были чисто теоретическими – кабинет был увешан схемами, таблицами и другими видами наглядной агитации. Демаков вполголоса (как ему казалось) громогласно популярно разъяснял, в каком направлении надо ложиться в окоп по отношению к эпицентру ядерного взрыва. Говорилось это всё на полном серьёзе, что вызывало у нас тайное веселье. Во многом тому способствовал своими репликами Дима Столбов по прозвищу «Гринго» – рыжий рижанин немецко-русского происхождения.

Гринго деловито интересовался, какой глубины должен быть окоп, и интересовался – правда ли, что при ядерном взрыве лучше накрыться белой простыней...

Вызывали оживление и ответы наших девочек. Отвечая на вопрос военрука, чем отличается диоптрический прицел от обычного, они говорили, что диоптрический прицел – это который с дырочкой, с обычной прорезью. Апофеозом курьёзных ответов стала незабываемая фраза нашей «Барби» – Танюши Кондрашкиной. Перечисляя части автомата Калашникова, она изрекла: «Одной из основных частей автомата является *развратный механизм*». Константин Васильевич терпеливо переждал взрыв хохота и, стараясь быть спокойным, сказал: «Ты хотела сказать "*возвратный механизм*". И нечего смеяться – подумаешь, две буквы перепутала...»

На музлитературе, а особенно на сольфеджио, мы частенько повергали сердобольную Лию Владимировну в состояние шока, создавая немислимые названия угадываемым нотам – типа СИ БЕМОЛЬ БЕКАР или ФА ДИЕЗ БЕМОЛЬ. Лия Владимировна только сокрушенно всплескивала пухлыми ручками и сокрушённо качала головой.

Но, несмотря на эти наши промахи, оба педагога относились к нам со снисходительной теплотой, понимая, что их предметы – не самые главные в нашем обучении и неудов нам практически не ставили. И сейчас их занятия вспоминаются с улыбкой и благодарностью за долготерпение этих добрых и интеллигентных людей.

19 мая 2018

DUM SPIRO SPERO (ДУМ СПИРО СПЕРО) – ИЛЬЯ ШЕВЦ

– Вова! Чудесно, что ты приехал. Но к тебе я приехать не могу. Приезжай ко мне, но никому не говори, что едешь ко мне.

Я слушал взволнованный голос Ильи и никак не мог понять, что у него случилось...

– Илья! Ты можешь популярно мне объяснить, почему такая конспирация? – Илья перешёл на зловещий шёпот:

– Мне привезли М-1. Сидим, охраняем его с автоматами.

– Что ещё за М-1?

– Приедешь – узнаешь... Отбой. – Илья повесил трубку.

Когда я приехал к Шевцам домой, то никаких автоматчиков я не увидел, зато Илюша театральным жестом откинул чехол:

– Вот он, М-1! *Лучше синтезаторов в России сейчас нет!* И я первый в Нижнем обладатель этого музыкального чуда!

– А где автоматчики?

– Ушли... придут завтра. Давай я покажу его возможности.

Илюша любил эффектные преувеличения, но делал это от полноты переполняемых его чувств. Да что и говорить, писать о лучшем друге труд-

но. Тем более о друге, так безвременно ушедшем... Но какие бы чувства меня ни посещали – вспоминая его всегда с улыбкой. Более остроумного человека, умеющего посмеяться не только над другими, но и над самим собой, в жизни не встречал.

Вот он наигранно сокрушенно говорит: «Мать у меня русская, а отец – еврей. Но у евреев причастность к нации осуществляется по матери, значит, я не еврей. А у русских по отцу, значит, я не русский... То ли еврусс, то ли руссрей...»

А как он неподражаемо рассказывал о днях воинской службы в знаменитом нижегородском ансамбле «Сокол»! Но сейчас я писать об этом не буду. И не буду говорить о нём как о прекрасном пианисте и первоклассном театральном композиторе, фантастическом аранжировщике. Ведь сегодня речь идёт о Нижегородском театральном училище...

Так вот, Илья Лазаревич Шевц некоторое время был педагогом нашего училища, и ни больше ни меньше – как педагогом по мастерству актёра с куклой. Он даже несколько месяцев учился в АГИТМиКе музыкальной режиссуре у самого Товстоногова. И поэтому он сумел прекрасно поставить на своём курсе «Картинки с выставки» М. Мусоргского средствами «загадочного жанра» (по меткому определению гениального Е. Сперанского).

Куклы Илья любил самозабвенно, понимал глубинную суть куклы и даже придумал новый тип паркетных кукол, которые назвал «модулями». Именно с куклами-модулями он осуществил нашумевшую постановку пьесы Макса Фриша «Опять они поют» в Ижевском театре кукол.

Я не видел, как Шевц работал со студентами, но часто слушал при встрече его тёплые отеческие рассказы о своих подопечных. Он прививал студентам чувство гордости за выбранную ими профессию актёра Театра кукол.

Сам он куклу в руки не брал, но мог объяснить принципы вождения так ярко, что студенты, запомнив его объяснения, отлично выполняли сложнейшие задания, поставленные этим мастером.

Илья шёл в процессе обучения, опираясь на принципы музыкального искусства, и постоянно говорил, что куклы – это инструменты, равные музыкальным. И относиться к ним нужно со всей серьёзностью и почтением, а не уподобляться ремесленникам, трясущими куклами и старающимися рассмешить зрителя любыми средствами и штампами.

Пожалуй, что Шевц был единственным педагогом, занимающимся со студентами музыкальной природой Театра кукол.

Любимым изречением Ильи была фраза из Овидия – «*дум спиро спиро*» (пока дышу – надеюсь). Это было его жизненное кредо.

Всю жизнь свою он беззаветно любил театр и надеялся, что сможет привить эту любовь и другим людям...

10 мая 2018

НАША СЕМЬЯ КУ-КУ

Аббревиатура КУ-КУ сначала появилась на капустниках нашего курса кукольников. Вначале наших выступлений на сцене появлялся Чарли Чаплин (которого гениально играл Володя Смолов), он шёл чаплинской неповторимой походкой к авансцене, потом резко поворачивался к зрителю спиной, на которой висела табличка с надписью – сначала это было 1 КУ-КУ, потом 2 КУ-КУ, 3 КУ-КУ и, наконец, 4 КУ-КУ... Это уж потом стали именовать так все кукольные курсы и даже писать КУ-КУ в расписании занятий.

Вот начал с воспоминаний о наших капустниках и уже не могу остановиться. Дело в том, что к капустникам у нас в училище особое отношение – идёт постоянное творческое соревнование всех курсов – и драматических, и кукольных, и режиссёрских. Долгое время лидировали

«драмики», но скажу без ложной скромности: с появлением в училище нашего курса положение резко изменилось. В каких только жанрах мы ни работали в этих развесёлых представлениях – тут был и античный театр, и опера, и балет, процветали и детективы, и множилось пародии. Радостно, что на праздновании 90-летия НТУ ко мне подошёл Народный артист РФ Виктор Смирнов и, широко улыбаясь, сказал: «До сих пор вспоминаю ваши капустники. Это было потрясающее зрелище! Вы били всех, и нас в том числе».

Так почему же возник этот уникальный курс, поставивший сразу четыре дипломных спектакля, в том числе и один самостоятельный для взрослых. И именно наш курс был участником Международного фестиваля студентов-кукольников, проводимого под эгидой УНИМА (Международного союза кукольников) в Ленинграде в 1972 году. И это наш курс заслужил поездки в Москву, Ленинград и даже в Ригу, которая уже в то время была почти что заграницей.

В Риге мы подружились со студентами кукольниками из Рижской консерватории. Мы показали им свои работы, а потом посмотрели множество спектаклей и студенческих, и Рижского театра кукол. И именно на нашем курсе было целых четыре красных диплома.

Так в чём же причина наших успехов? Начнём с руководства курса. Во главе нашего курса стоял (ныне Народный артист РФ) главный режиссёр Горьковского театра кукол Александр Иванович Мишин. А нашим классным руководителем была Евгения Ивановна Кириллова. Это, безусловно, они создали настоящую творческую атмосферу, которая помогла нам объединиться и стать практически одной семьёй. Ну, о высоте педагогического состава, обучающего нас, говорить не приходится! Педагоги по речи – самая удивительная Людмила Александровна Булюбаш и Евгения Кириллова. По мастерству драматического актёра – Владимир Моисеевич Крипец, по мастерству актёра с куклой – А. И. Мишин, А. А. Русин и А. И. Харчевникова. А по русской и зарубежной литературе и истории изобразительного искусства – легенда нашего училища Альбина

Выпуск 1973 года. Во втором ряду третий слева – художественный руководитель курса А. И. Мишин, правее рядом – классный руководитель Е. И. Кириллова

Александровна Нестерова. А историю русского театра читал блистательный Анатолий Миронович Смялянский. Не буду перечислять остальных педагогов, но все они помогли нам стать настоящими профессионалами, уважающими своё дело и гордящимися высоким званием АКТЁР ТЕАТРА КУКОЛ.

И ещё. Обычно существует мнение, что на кукольное отделение идут люди с хорошими внутренними данными и невзрачной внешностью. На нашем курсе все девочки были красавицы, просто заглядение. Недаром Таню Субботину постоянно приглашали перейти на драматическое отделение. Эффектную внешность имела и её землячка из Мурманска Ира Сухарева. Они шутливо именовали друг друга Лошадьми. И действительно, статью своей они напоминали чистопородных скакунов. А Люба Чеканина – красавица, и ещё божественно водила куклу. Софа Черемных – крупная яркая девушка с удивительной танцевальной пластикой и низким уникальным голосом. Два ангелочка-Оленьки – Вихарева и Седова, валоокая царевна Наташа Чуплыгина, очаровательно-задумчивые хулиганки Рита Красильникова и Таня Романова, большеглазая задумчивая Фая Лабудь, кукольно-маленькая Таня Кондрашкина и Вера Архарова, обладающая чарующим, почти бабановским голосом (помню, как незабываемо она читала монолог Мальчика из «Белого парохода» Чингиза Айтматова).

Да и юношей нашего курса Бог внешностью не обидел, и талантом тоже. Серёжа Нужин, похожий на молодого Максима Горького, цыганисто-темпераментный Саша Жеребцов, ладно скроенный, со спортивной фигурой Гена Матюшин, Коля Иванов (в прошлом баянист). И мы с Володей Смоловым – самые старые на курсе (нам уже было за двадцать). Кстати, нас с Володей Александр Иванович уже после первого курса в 1970 году пригласил актёрами-стажерами в театр, и к концу нашего обучения мы играли по несколько ролей в профессиональном знаменитом коллективе.

Еще одно свойство отличало наш курс – это сплочённость, трудолюбие и чувство юмора, присущее почти каждому из нас. Какие розыгрыши мы устраивали за ширмой – не знал ни один из педагогов, но именно эти импровизации сделали нас готовыми к любым неожиданным ситуациям. Не буду раскрывать их и сейчас, но мои однокурсники сразу всё вспомнят, читая эти строки... и улыбнутся. Один призывный клич Смолова к девочкам «Тюр-лю-тю-тю, киски!» сразу настраивал всех на весёлый лад.

Когда мы сдавали экзамены, мы никуда не уходили. Даже сдав экзамен, ждали результатов однокурсников и помогали сдающим в трудную минуту. Лично я писал подробные шпаргалки-бомбы на больших, как бы экзаменационных листах, и хоть сам ими не пользовался (я запоминал всё, составляя этих помощниц для зашедших в тупик друзей).

Куклы и декорации к своим спектаклям делали мы сами, порой подолгу оставаясь после занятий в училище. Я уж не говорю о том, как мы репетировали свой самостоятельный спектакль для взрослых «О том, как господин Мокинпонт от своих злосчастий избавился» П. Вайса.

В основном репетировали мы ночами, а утром шли на занятия. Но это было удивительное время, которое каждый из нас вспоминает с особой теплотой.

Почти все мы стали профессиональными артистами. К сожалению, уже ушли из жизни Заслуженный артист РФ Володя Смолов (артист, удивительно органично игравший роли положительных героев от Алладина до Садко) и Вера Архарова (несмотря на уникальные данные, она не прижилась в театре и работала администратором в ресторане). Гена Матюшин после училища окончил ВГИК и был директором многих картин Ленфильма. Фая Лабудь окончила ещё один институт и занимается научной работой в Москве. Рита Красильникова – Заслуженная артистка РФ, работает в Питере. В театре кукол Брянска работала Таня Кон-

драшкина. В Ульяновске работает Ирина Сухарева. Единственно неизвестно, куда исчез Коля Иванов...

Я был последние 22 года (до 2012) главным режиссёром Владимирского театра кукол и тоже стал Заслуженным артистом РФ. И, окончив Литературный институт им. Горького СП ССР, стал писателем и издал восемь книг.

Ну, а остальные однокурсники живут в родном Нижнем и составили основное ядро Нижегородского академического театра кукол под руководством народного артиста РФ Александра Мишина. Это и Заслуженные артисты РФ Любовь Афонина (Чеканина) и Александр Жеребцов и ведущие артисты театра Сергей Нужин, Татьяна Лутовинова (Субботина), Софья Черемных. Татьяна Романова и Наташа Чуплыгина тоже проживают в Нижнем.

Помню, когда в 2003 году мы с курсом собрались отметить 30-летие нашего окончания училища, мы в последний раз поучаствовали в капустниках. Мы тогда изобразили группу пенсионеров-инвалидов, постоянно падающих от избытка чувств в обморок, и имели оглушительный успех у студентов того поколения НТУ. И наш Чарли Чаплин был седой....

Как жаль, что это больше не повторится...

14.05.2018

ПРИВЕТ ОТ ИРЫ

Сейчас широко празднуется 45-летие знаменитого Театра на Таганке, а у меня перед глазами встают события давно минувших дней. Да, действительно, в конце 70-х годов прошлого века Таганка была кумиром целого поколения советских людей, и особенно молодежи. Попастъ на спектакль, а тем более на премьеру Таганки, было почти так же трудно, как выиграть в лотерею. Люди стояли в очередях целыми ночами, чтобы купить заветные билеты.

Артистам других театров и студентам театрального училища иногда везло, и им доставались приставные места или возможность просто постоять в проходе. А я, в те времена артист Горьковского театра кукол, был хорошо знаком с Ириной Мазуркевич, в те времена студенткой Горьковского театрального училища и исполнительницей роли невесты Арапа в кинофильме «Как царь Петр арапа женил». Арапа сыграл знаменитый таганский актер Высоцкий. И вот однажды, когда я сетовал, что на Таганку очень трудно попасть, Ирина Мазуркевич сказала: «А ты подойди со служебного входа к Владимиру Семёновичу Высоцкому и передай от меня привет. Думаю, что он поможет тебе пройти на спектакль».

Как-то раз приехал в Москву к моему другу Валере Гаврилову, на чальнику участка на знаменитом Московском автомобильном заводе имени Лихачева. Тот в разговоре сетовал, что родился и постоянно жил в столице, но ни разу не смог попасть в Театр на Таганке. Вспомнив о разговоре с Мазуркевич, я сказал, что сегодня же вечером посмотрим «Гамлета» на Таганке. «Если это произойдет, – сказал Валера, – после спектакля я приглашаю тебя в лучший ресторан Москвы, и мы отметим это событие по высшему разряду».

На Таганку мы приехали за три часа до спектакля и стали ждать у служебного входа Высоцкого. Он приехал на своем роскошном «Мерседесе» за два часа до спектакля. Валера застеснялся и отошёл в сторону, а я подошел к артисту и сказал:

– Здравствуйте, Владимир Семёнович.

– Здравствуйте... Не имею чести знать, – ответил Высоцкий.

– А вы меня и не знаете. Вам привет от Иры Мазуркевич, – выпалил я.

– Вы один или вдвоём? – не удивившись, спросил Высоцкий.

– Вдвоём.

– Ждите здесь.

Через десять минут мы стали счастливыми обладателями контрамар-

ки на четвертый ряд, 12–13 место. Валера был просто в шоке, а до спектакля оставалось полтора часа. Мы решили отметить нашу сверхудачу и зашли в кафе неподалеку от театра... Когда мы сели в зале на свои места, то уже находились в состоянии невесомости, а минут через пятнадцать нас неудержимо потянуло ко сну. Время от времени я просыпался и видел то Офелию, то Гертруду, а сам думал: «Ну ничего, посмотрю в следующий раз – ведь я знаю заветную фразу: «Вам привет от Мазуркевич». Когда мы добирались после спектакля домой, со всех сторон на нас смотрела олимпийская символика, и до смерти Владимира Семёновича оставалось совсем немного...

С тех пор я свои удачи заранее не отмечаю.

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

В Нижегородском театральном училище всегда были в большом почёте самостоятельные работы студентов. И действительно, когда будущий актер сам выбирает себе репертуар, готовит свою роль, шьёт для себя костюм, мастерит реквизит и декорации, он раскрывается подчас с самых неожиданных сторон.

Я учился в 70-е годы и вместе со своими друзьями изо всех сил старался удивить педагогов и студентов своей самостоятельной фантазией. Для показа мы выбрали главу «Казнь Стеньки Разина» из нашумевшей в то время поэмы Евтушенко «Братская ГЭС». Мы решили свой показ в форме литературно-музыкальной композиции: я читал поэму от автора, а мои однокурсники разыгрывали поэму в лицах. Но главным козырем нашего показа была сама казнь Стеньки – ей мы решили повергнуть весь зрительный зал в глубокий шок. Для этого у знакомого мясника мы арендовали на время чурбан для рубки мяса – он изображал плаху, и у него же заимствовали большой топор. Затем вместе со студентами бутафорского отделения смастерили из папье-маше голову атамана, раскрасили ее, надели парик, приклеили усы и бороду... словом, голова получилась до неприличия натуральная. Долго мы тренировались в незаметной подмене актёрской головы на бутафорскую, и вот наступил долгожданный день показа.

Свой сюрприз мы держали в строжайшей тайне, никто из посторонних не догадывался о нашей шокирующей задумке. И вот мы на сцене, читаем строки поэмы почти машинально, все мысли о казни. Стенька Разин кладёт голову на плаху, палач поднимает топор, на секунду Разина скрывает от глаз зрителей священник, якобы отпускающий грехи злодею, затем палач с молодецким посвистом рубит голову осужденного, и та... летит прямо в сторону комиссии.

То, что нас не отчислили из училища, это чудо, но до сих пор я знаю, что излишний натурализм вреден.

ЦАРИЦА НАШЕГО МИРА

Если какой-нибудь оперный Демон из бывшего Народного дома, а ныне Нижегородского театра оперы и балета призывно пропел бы молодому педагогу Танечке Цыганковой: «И БУДЕШЬ ТЫ ЦАРИЦЕЙ МИРА!!!» – она бы ему не поверила. А зря... Ведь именно ей в 1970 году прошлого века предстояло стать царицей нашего карнавалльно-амбивалентного мира под названием Горьковское театральное училище, которое впоследствии плавно перешло в Нижегородское театральное училище имени Евстигнеева. И правила этим миром царица Татьяна целых 42 года! И год от года процветал наш мир под её мудрым руководством (ловлю себя на мысли, что пишу эти слова как под копирку, из прошлого наследия СССР). Но с другой стороны, ведь действительно у училища появился

и Учебный театр (к моему удовольствию, в бывшем помещении Театра кукол, в коем б лет работал и я), открылись новые отделения по специализации в училище – и бутафорское, и хореографическое. А в далёком семидесятом в училище было только два отделения: актёров драматического театра и актёров театра кукол. Мне довелось учиться на обоих отделениях. Но и те, и другие в своих капустниках неизменно пародировали Татьяну Васильевну. Благо, она была личностью яркой, запоминающейся, и её обороты речи были узнаваемы сразу: «Дорогой ты мой! Золотой ты мой! Поведай-ка, что ты натворил вчера на вечере?.. Слегка выпил? Да в твоём возрасте ещё пробку нюхать рано! Ну, и что вы пили, бриллиантовые мои? Портвейн? А он как звался-то? «Кавказ»?.. Так вот запомни, бабда, что с этих кавказских вершин можно упасть в такую пропасть, что и не выберешься никогда! Был такой великий актёр Сергей Гурзо... Ты на досуге почитай о нём... Таланту имел поболее твоего, а из-за этих «кавказских вершин» лишился всего. В том числе и жизни... Думай, если ещё есть чем думать. На волоске висишь, да что на волоске, на паутинке». Говорила она это как-то по-особому, тряся головой, как бы акцентируя каждое ключевое слово. И это имело свой эффект.

В чём заключался секрет этих педагогических бесед Татьяны Васильевны: она не кричала, не ругала... она журила, и журила по-матерински...

И потом она сумела не потерять педагогический состав и привлечь в училище новых талантливых педагогов.

И конечно же, в ней всегда присутствовали здравый рассудок и так необходимое в нашем деле чувство юмора.

И ещё она помнила каждого из нас и после выпуска следила за нашими успехами и радовалась им, и переживала за наши поражения. В ней постоянно работал некий атомный реактор, вырабатывающий такую огромную энергию, которая позволяла ей успешно пробивать, казалось бы, непреодолимые чиновничьи запреты и растапливать бездушные.

Она была организатором множества студенческих фестивалей, помогала открывать новые актёрские отделения в колледжах искусств. Так при её участии мы открыли актёрское отделение во Владимире.

Можно бесконечно долго перечислять достижения и добрые дела, свершившиеся за 42 года. Но главное, что Татьяна Васильевна видела в каждом из своих подопечных – Человека с неповторимой творческой индивидуальностью и по мере своих сил и возможностей помогала растущему таланту расцвести.

Сорок два года – это целая эпоха! Эпоха царицы Цыганковой.

13.05.2018